

НОВАЯ КНИГА О ПЕТРЕ КОМАРОВЕ

Время безжалостно отсеивает в литературе все то, что не отмечено печатью таланта, написано торопливо, без вдохновения. Более четверти века Петра Комарова уже нет среди нас. Поэзия его испытание временем выдерживает с честью. Книги Комарова переиздаются и находят благодарного читателя. И в поэзии его современники обнаруживают такие грани, которые прежде как-то ускользали от внимания. Перечитывая его стихи, в чем-то заново открываешь поэта для себя. Наше представление о его творчестве расширяется, и не все ранее высказанные оценки могут удовлетворить нас сегодня.

Отрадно, что живущий сейчас в Ленинграде критик сибиряк Борис Рясенцев взялся за исследование творчества Петра Комарова. Ведь его поэзия сегодня по-прежнему в строю! Правдиво и вдохновенно передавая мироощущение лирического героя в грозные предвоенные и военные годы, в период, когда осененные знаменем Победы советские люди вновь показывали чудеса героизма на трудовом фронте, — комаровские стихи понятны и близки нам. И не только людям старшего поколения, они созвучны настроению молодежи и как художественное отображение славной «нашей» истории, и как проявление во многом ее собственного мироощущения. Молодого современника привлекает в Комарове его искренность и задушевность, его лиризм.

Книга Б. Рясенцева «Петр Комаров»¹ задумана и написана как одна из книжек серии «Литературные портреты». Такая серия издается Западно-Сибирским книжным издательством — и это новинка серии (книга вышла в свет в этом году). Издатель-сибиряки проявили внимание и уважение к поэту-дальневосточнику.

Серия обязывает, и автор книги, есте-

ственно, начинает с биографических данных поэта. Впрочем, уже от сообщений о раннем детстве Комарова он протягивает нити к его творчеству, и чем дальше — тем больше. Да и как иначе, если в биографии Комарова на редкость удачно воплотилась судьба многих его сверстников — комсомольцев 20—30-х годов. Семья будущего поэта переехала из Новгородской губернии в Приамурье перед самым началом гражданской войны и интервенции. Понятно жадное любопытство пытливого паренька ко всему окружающему, к удивительной природе здешних мест. Потом — вступление в комсомол, «боевое юнкорское крещение», учеба в ШКМ и в сельскохозяйственном техникуме в Благовещенске. Далее работа в комсомольской областной и краевой газете, поездки по обширному Дальневосточному краю. Служба в армии (это через три-четыре года после конфликта на КВЖД), снова — журналистика. А вместе с этим, со школьных лет еще, писались стихи, шло постепенное осознание значения поэзии, упорная работа по овладению мастерством.

Не сразу и не без труда давались навыки литературного труда, достигалась та кажущаяся легкость и естественность, образность и музыкальность стиха, которая отмечает поэзию Комарова. Не избежал он и подражательности и не вдруг обрел свой собственный голос. Б. Рясенцев не снимает и не упрощает пути становления поэта. И профессионалу литератору интересен и не бесполезен конкретный анализ критиком комаровских стихов, сопоставление их с более поздними редакциями. Два момента хотелось бы при этом подчеркнуть: критик, во-первых, не упускает из виду того, как Комарова обогащало его «не книжное» знание края, знание жизни, его личное активное участие в общественной деятельности; во-вторых, он показывает присущее поэту чувство ответственности за сказанное им слово, упорные поиски этого нужного слова, рифмы, образа...

¹ Б. Рясенцев. Петр Комаров. Литературный портрет. Новосибирск, Западно-Сибирское кн. изд., 1976.

«В 1933 году Петр Комаров, — пишет Рясенцев, — стал не только автором, но и ответственным секретарем, членом редколлегии журнала «На рубеже». Энергичный, постоянно «горящий» и зажигающий других, но в то же время, по единодушным воспоминаниям всех знавших его, мягкий, душевный, обаятельный, он быстро стал душой журнала. А собственная его творческая активность теперь заметно пошла на подъем».

Да, здесь верно показан характер Комарова. Заметим, что автором журнала он стал буквально с первой книжки «На рубеже», вышедшей в качестве альманаха еще осенью 1933 года. И многие поэты-дальневосточники обязаны Петру Степановичу: суровый и взыскательный к себе, он всегда был отзывчив и щедр по отношению к товарищам.

Важным, можно сказать, переломным моментом в творческой биографии Комарова явился выход в 1940 году книжки «На берегу Амура». Этот первый его сборник стихов в главных чертах определял и наиболее близкие ему темы, и линии связи его творчества с основным направлением советской поэзии. Критик кратко, но достаточно определенно говорит об этом, подчеркивая гражданские, патриотические мотивы комаровских стихов и свойственное поэту ощущение «предгрозового напряжения» в атмосфере тех лет. Хорошо говорят об этом сами комаровские строки:

Зловещие коршуны рвут облака,
Их кружит, их вихрь несет
До самых крутых высот.
В генштабах составлены планы блокад,
Как в тысяча девятьсот...
Но разве тут обязательно год?

Теперь мы знаем точно эту дату, о приближении которой с тревогой и верой в победу правого дела писал поэт еще в начале тридцатых годов: это 22 июня 1941 года.

Великая Отечественная война, героическая борьба советских воинов-патриотов с фашистскими захватчиками, трудовая доблесть их отцов и матерей, жен и детей в далеком тылу, в пограничном крае, который сам в любой момент мог обернуться новым фронтом Советской державы (и действительно стал исходным рубежом для советских войск в августе 1945 года!), освободительная миссия Советских Вооруженных Сил и определяли в главном содержание поэзии Петра Комарова военных лет. И вместе с тем в ту пору в его стихах мы видим еще более обострившееся чувство сыновней любви к родному краю, его природе, гордость революционной историей Дальнего Востока, подвигами первых исследователей края и первых пахарей, что шли сюда «босые, топором прорубая путь». Темы эти не просто «соседствуют», параллельно разрабатываются, а взаимосвязаны, тесно переплетены, проникают глубоко в художественную ткань то

названием растения, то именем исторического лица или ссылкой на памятное событие, то прорвутся неожиданным сочетанием слов, новой рифмой, рефреном («Топтугары, Топтугары»).

Б. Рясенцев видит в этом не тематическую «разбросанность» или случайность, а целеустремленную работу поэта, понимавшего глубоко народный характер Великой Отечественной войны, битвы не на жизнь, а на смерть со злейшим врагом человечества — фашизмом. От гневного рассказа-были о старике, отомстившем врагам за поругание над дочерью и ее смерть:

Он их рубил. Он стал жесток с тех пор,
Как вылезли они из преисподней.

Я славлю окровавленный топор,
Когда топор руками правды поднят!

Для Комарова совершенно естественным был переход к лирическому пейзажу — ведь это его родная земля, ее он по-сыновьи любит, — к мысли о первом русском исследователе Камчатки Владимире Атласове, человеке, к которому в последние недели жизни было приковано внимание А. С. Пушкина, — к тем, кто боролся за установление власти Советов, к героям Волочаевских боев:

Но отраженьем гроз вчерашних
Лучи закатные легли
На волочаевские башни,
На пашни мирные вдали.
И пусть окоп зарос травой,
Пусть тишина и все молчит —
Здесь даже шмель над головою,
Как пуля снайпера, летит!

Именно в военные годы особенно проявилась многогранность таланта Петра Комарова. Так, для многих из нас неожиданностью были его сатирические стихи — короткие, разящие строки-подписи под рисунками художников в окне плаката и сатиры «Удар по врагу». Эта сторона его творчества еще по-настоящему не исследована. Он незаурядный детский писатель — поэт и прозаик. Известны его страстные публицистические выступления. Не забудем при этом, что рядом с большой по объему, по затрате душевных сил, литературной работой Петр Комаров изо дня в день вел «Вестник краевой информации» в Хабаровском отделении ТАСС, куда был направлен на работу в первые же недели войны. Через его руки проходили сообщения о трудовых делах земляков-дальневосточников, он редактировал, правил эти заметки, корреспонденции, активно поддерживал связи с трудовыми коллективами огромного по территории края. Немало обработанных им материалов публиковалось и в сообщениях Советского информбюро. Б. Рясенцев, видимо, не располагал данными об этой стороне деятельности Комарова. А между тем она позволяет лучше понять то, насколько был ин-

формирован Петр Степанович о делах края и как он умел держать руку точно на пульсе напряженной жизни тех лет. Не отсюда ли идут многие задумки, подробности и детали в его стихах? Он умел оперативно откликаться на события дня.

«Работал я в эти годы много и напряженно и удивляюсь, откуда только брались силы! — это из воспроизведенного критиком воспоминания самого Комарова. — Так было, наверное, у всех советских людей. Писалась ли стихотворная листовка на фронт, сатирический текст к плакатам, газетная статья или веселая частушка по заказу махорочной фабрики, — для всех находилось время, все делалось с увлечением».

Коммунист-интернационалист Комаров умел глядеть далеко вперед. И чувствуется это особенно в его «Маньчжурской тетради», в стихах монгольского и корейского циклов, в «Зеленом поясе» и «Новом перегоне». Б. Рясенцев уделяет значительное место анализу этих стихов, высказывая при этом интересные замечания, соображения. Побывав на заключительном этапе войны в освобожденной Советской Армией Маньчжурии, Комаров не только нашел, может быть, очень необходимые ему детали обстановки, быта, маньчжурского пейзажа, — он ощутил, увидел сам воочию освободительную миссию советских воинов-победителей. И это, как и мысли о будущем освобожденных ими народов Азии, главный мотив стихов данного цикла. Пусть даже он и запрятан порою в подтексте.

Вглядись, боец, в степную эту мглу:
Здесь мир застыл, дремуч и первобытен.
Со шкурой зверя, жирником в углу
И войлоком домашних шерстобитен.
Здесь правды ждут. И ты войдешь в жильё
Таким, как есть — обветренным и юным.
И скажешь всем, что ты принес ее
В пески Жэхэ — по пастбищам и дюнам.

«И вот что интересно, — замечает в связи с этим стихотворением Б. Рясенцев, — советский солдат, от которого «правды ждут» те, кого он пришел освобождать от оккупантов, упомянут вроде бы мимоходом, как бы лишь вкраплен в монолит пейзажа, а ведь на самом деле все написано ради него!»

Широко известны комаровские циклы стихов «Новый перегон», написанный после поездки на открытие только что построенной железной дороги Комсомольск—Советская Гавань, и «Зеленый пояс» — отклик поэта на постановление партии и правительства о создании лесозащитных полос, борьбе с засухой. Вот что Комаров писал об изыскателях, прокладывавших трассу будущей дороги через Сихотэ-Алинь:

Твой новый шаг — твой облегченный
вдох.
И ты, как я, одной мечтою грелся,
Что нам вослед прямая ляжет рельса
И вздрогнет лес от шума голосов.

А та тропа, что нас в тайгу вела, —
Она потом о нас напомнит людям...
Пусть мы с тобой бессмертными не
будем —
Бессмертными останутся дела.

Через три десятилетия стихи эти звучат как написанное сегодня обращение к строителям Байкало-Амурской магистрали. Кстати сказать, дорога, «что навсегда венцом железным легла на горные отроги», — и есть действующий, завершающий участок магистрали на ее пути к океану.

Взросшее мастерство поэта, его творческую «лабораторию» автор книги приоткрывает для читателя, прослеживая историю создания такой «емкой динамичной миниатюры», как хрестоматийное стихотворение «Дуб» из цикла «Зеленый пояс». Он характеризует его «как один из образцов содержательной краткости». В самом деле:

Словно часовой, в широкой пойме
Он стоит, оберегая рожь.
И недаром на патрон в обойме
Каждый желудь у него похож.

Как известно, за циклы стихов «Маньчжурская тетрадь», «Новый перегон» и «Зеленый пояс» Петру Степановичу Комарову (посмертно) была присуждена Государственная премия.

Нельзя не согласиться с замечаниями Б. Рясенцева по поводу критических оценок творчества Петра Комарова поэтом И. Сельвинским («Новый мир», 1946 г.). Замечания эти доказательны и необходимы. «История литературы, музыки, живописи, — пишет Б. Рясенцев, — знает немало случаев, когда крупный писатель или деятель искусства искренне заблуждался в оценке другого и выносил ему «приговоры», опровергнутые временем. Рецензия И. Сельвинского на стихи Комарова — далеко не первый и, наверно, не последний случай такой «психологической аберрации».

Автор исследования прав, когда он не соглашается и с излишней категоричностью Ан. Гая — друга Петра Комарова и первого серьезного исследователя его творчества, — писавшего об «окончательной переоценке П. Комаровым всего написанного им раньше... Отходит в прошлое самодовлеющий пейзаж заповедной тайги». Подчеркивая неоднократно, что Комаров — «поэт лирического склада», Б. Рясенцев пишет, что «здесь есть некое упрощение, выпрямление, подгонка (скорее всего незамеченная критиком) под схему. И попросту — противоречие фактам!»

Ссылаясь на известное стихотворение «Приамурье», критик с полным к тому основанием говорит, что такие стихи «эмоционально вооружали и фронтовиков и героев тыла, раскаляли их ненависть к захватчикам, активизировали любовь к Родине».

Б. Рясенцев говорит о ценности вклада Петра Комарова в советскую поэзию, рас-

сказывает о его мужественной борьбе с тяжелой болезнью: будучи неизлечимо болен, он не складывал своего оружия. Сам поэт так определял свое место в общем строю:

Сторонка дальняя моя,
С перепелами вдоль обочин, —
Твоею славой славен я,
Твоей заботой озабочен.

Благословен мой край, и в нем —
Наш труд.
Наш дом, где все знакомо.

Я — нитка в знамени твоём
Над черепичной крышей дома.

Сейчас Петру Степановичу Комарову исполнилось бы 65 лет. Стихи его не только читают, но и перекладывают на музыку.

И небольшая, емкая книжка «Петр Комаров», вышедшая недавно в Новосибирске, — это тоже добрая память о поэте. Жаль только, что очень уж мал тираж — три тысячи экземпляров. Но это дело поправимое. Хабаровскому книжному издательству, право, стоит подумать о переиздании книги. Может быть, и в более расширенном ее варианте.